

ИЗ ИСТОРИИ СИБИРСКОГО САДОВОДСТВА. ПРЕДШЕСТВЕННИКИ И НАСТАВНИКИ М.А. ЛИСАВЕНКО

Овчинникова О.С.

О своем деде, выдающемся ученом, академике ВАСХНИЛ Михаиле Афанасьевиче Лисавенко (1897–1967) я собрала довольно большой материал, подтверждающий, что с его именем связано начало садоводства в Сибири. Это, конечно же, так. Но мне захотелось узнать больше о тех уважаемых людях, которые раньше его занялись садоводством и подтолкнули его к решению оставить юриспруденцию и целиком отдаться садоводству. Начав изучать историю преобразования природы Сибири, которой почти никто не занимался и не занимается сейчас, пришла к выводу, что здесь до сих пор много белых пятен.

Осенью 2011 года я побывала в Красноярске, где, разыскивая источники по своему родословию, приобрела книгу Лалетиной Н.Е. «Яблочный Спас», опубликованную в 1995 году в городе на Енисее. Из нее, где имя Лисавенко упоминается десять раз, я узнала много интересного. Нелли Ефимовна, спасибо ей, из небытия воскресила ряд полужабытых и совсем забытых имен родоначальников сибирского садоводства.

Почему Красноярск, а не Алтайский край меня заинтересовал в первую очередь, ведь дед мой известен как садовод нашего края? А потому, что родился Михаил Афанасьевич в селе Боготольский Завод (рядом с Боготолом). В Красноярске он окончил мужскую гимназию, в Ачинске имел собственный сад, где в начале XX века проводил интереснейшую экспериментальную работу. «Сад этот удивлял не только ачинцев», – пишет Лалетина. Я, к сожалению, до Ачинска, не добралась. Но спасибо Фаддеенкову Н.Н., который фотографию этого сада, сделанную Михаилом Афанасьевичем перед тем, как навсегда покинуть Красноярье, поместил в сборник «Виноградарство в Западной Сибири» (материалы 4-й межрегиональной научно-практической конференции, Бийск, 2010, С. 110). Она – из нашего семейного альбома и была опубликована впервые.

Книга Лалетиной в определенной степени помогла мне восстановить «времен связующую нить», лучше представить окружение Лисавенко М.А., познакомиться с теми людьми, которые запечатлены в нашем фотоальбоме и о которых я слышала из уст своей мамы, родившейся в Ачинске в грозном 1918 году. Мама моей мамы, Мария Афанасьевна Крыга (Лисавенко, 1893–1965) – сводная сестра Михаила Афанасьевича. С детства я слышала фамилии: Олониченко, Верещагин,

Никифоров, Крутовские. Теперь захотелось их «расшифровать». Что это за люди, труженики садоводства, украшавшие нашу землю садами? Как сложилась их судьба? Для меня вообще самое интересное на земле – люди. А Михаил Афанасьевич, я это знаю точно, чувствовал себя счастливым человеком, так как на своем жизненном пути встретил немало чудесных светлых людей, от которых многому научился и которые (каждый по-разному) помогли ему в становлении жизненного мироощущения. Моя настоящая статья и призвана рассказать о некоторых людях, которые проделали большую, исключительную по своей трудности и полезности работу в деле обновления и преобразования природы Сибири. Но прежде чем представить Алексея Ивановича Олониченко и братьев Крутовских, необходимо сказать вообще об истории садов в Сибири. Началось сибирское садоводство, по-видимому, с инициативы выдающегося государственного деятеля, богатого и предприимчивого графа Петра Ивановича Шувалова (1710–1762), который примерно в середине XVIII века, распорядился заложить на берегу могучего Енисея чудесный кедровый сад. Это был первый сад в Сибири, где у Шувалова на содержании были заводы, в том числе и винокуренный завод рядом с Енисейском. Кедр же тогда был единственным в нашем регионе деревом (кроме рябины и черемухи), дающим плоды.

Весомый вклад в сибирское садоводство внесли тысячи переселенцев из европейской России, а также ссыльные (политические, староверы, духоборы и др.). Красноярск – город, через который проходил путь на каторгу, и ссыльных здесь всегда было много. В местах своего поселения многие из них занимались садово-огородническими делами, чем, естественно, способствовали их развитию. Именно они, оставшиеся в подавляющем большинстве безымянными, убеждались сами и доказывали другим, что садоводство в Сибири с ее перепадами температур – дело возможное.

Самое «раскрученное», как мы теперь говорим, среди ссыльных прогрессивных ученых и общественных деятелей, несомненно было имя Льва Платоновича Симиренко. Мы и сейчас предпочитаем яблоки сорта «Симиренко» другим заморским. Этот крупный ученый садовод-помолог, впоследствии ставший известным всему миру, был ссыльным 10 лет (1878–1887). В Красноярск его сослали из Киева за связь с народолюбцами. Здесь он вместе с юношей тогда А.И. Олониченко работал в садах и оранжереях потомков золотопромышленника П.И. Кузнецова. Богатые сибирские купцы и золотопромышленники особо активно во второй половине XIX века украшали свои усадьбы садами. На работу в них они приглашали квалифицированных садоводов, получивших свои

знания на Западе. Благодаря ученым садоводам в садах стали активнее проводиться эксперименты (в частности, братьями Крутовскими, о которых речь ниже), прививались деревья и расширялся сортимент садовых культур.

При даче Кузнецовых кроме чудесного сада были парники, грунтовые сараи, цветники. А в комнатах дачи и городского дома росли пальмы, папоротники и другая экзотика. К столу подавали собственные апельсины, ананасы, лимоны, виноград. При этом виноград Симиренко выращивал в условиях закрытого грунта. Думаю: не первое ли это производство культурного винограда в Сибири? В дневнике протоиерея кафедрального собора в Красноярске отца Василия Касьянова есть сведения о садах и оранжереях купца Кузнецова П.И. В ноябре 1875 года Касьянов сделал такую запись: «Кузнецова Авдотья говорит, что во французской газете печатается рассказ Норденшельда, что в Сибири на берегах Енисея растет виноград, и что в эту минуту, когда он еще пишет, перед ним лежит кисть винограда...» Итак, 1875 год. Запомним эту дату. Более ранних упоминаний о винограде в Сибири пока не встретила. В садах у просвещенных купцов Красноярья выращивали вишни, сибирские яблони, груши, сливы, малину, смородину, крыжовник. Пробовали заниматься и бахчеводством.

Я уже упоминала имя Алексея Ивановича Олониченко (1874–1946), который вместе с Симиренко был садоводом и цветоводом у купцов Кузнецовых. В нашем семейном альбоме есть фотография Олониченко, он любил Михаила Афанасьевича по-отцовски, переписывался с ним, когда мой дедушка покинул Красноярск и уже работал на Алтае. После смерти Олониченко дед выписал архив этого ученого, который хранится в Барнауле по сей день. Об этом садоводе я узнала столько теплого и хорошего, что теперь воспринимаю как близкого себе человека.

В 1891 году заразившийся у Симиренко любовью к садам на путных лошадях Алексей Олониченко уехал из Красноярска в Петербург, а потом через полгода перебрался в Москву для учебы в знаменитых тогда садах Грелля. Александр Кондратьевич Грелль в конце 19–начале 20 века был замечательным садоводом, владельцем и директором первого и единственного в России акклиматизационного сада на Воробьевых горах в Москве. В историю садоводства он впечатался словами: «Доходное плодоводство есть наука». В 1898 году вышла книга Грелля «Доходное плодоводство. Курсы промышленного плодоводства и огородничества, читанные в разных пунктах России». Среди учеников Грелля был и Алексей Олониченко, живший в Москве и учившийся там на деньги благодетеля, великодушного мецената, крас-

ноярского купца-промышленника Кузнецова П.И. Кстати, этот купец «вывел в люди» и художника Василия Ивановича Сурикова, учившегося тоже на кузнецовские деньги. После смерти золотопромышленника его потомки – сыновья и дочери – продолжали поддерживать Олониченко. После окончания трехгодичной школы садоводства в 1894 году Олониченко вернулся на сибирскую землю и оставшиеся ему полвека жизни на земле посвятил садоводству. С 1932 года и до конца жизни он был научным сотрудником Красноярской опытной станции, занимался акклиматизацией яблонь, слив, вишни, крыжовника, винограда. В письме Тихонову Н.Н. в 1930 году на Дальний Восток, например, Олониченко просит выслать семян уссурийской груши из отборных плодов, актинидии и амурского винограда.

Для сибирского плодоводства ученый Олониченко оставил большое наследство и вывел много новых зимостойких урожайных высококачественных сортов яблонь, например: Ксения, Профессор Кашенко, Доктор Крутовский, Непобедимая Грелля. Ее семена он привез от Грелля, получил саженцы и широко распространил их по Сибири, надолго запечатлев имя московского садовода в наших местностях. Гордился Олониченко и сортом Командарм Блюхер, выделяющимся как по внешним, так и вкусовым качествам. Посвящен он крупному советскому военачальнику Блюхеру В.К. (1890–1938), который в 1929–1938 годах был командующим Дальневосточной армией (в 1935 ему было присвоено звание маршала Советского Союза, а в 38 его расстреляли как врага народа). Сорт переименовали, он стал называться Полярное.

20–40-е годы – это трудный период в жизни садоводов. Революция, Гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная. Национализировали земли, реквизировали дачи, грабили, поджигали, запрещали заниматься садоводством. Такие были времена. Олониченко умер в 72 года своею смертью. Похоронен на Троицком кладбище в Красноярске, рядом с супругой и помощницей во всех делах, а также сыном Александром, который учился вместе с Михаилом Лисавенко в гимназии. Саша умер в 1920 году, совсем молодым, от тифа. Как гимназического друга своего сына, Алексей Иванович всегда опекал Михаила Лисавенко.

Судьбы некоторых других садоводов, знакомых с моим дедом, складывались более трагично. Находясь в Красноярске, я нашла потомков братьев Крутовских. Про первую жену Михаила Афанасьевича Зинаиду Николаевну Титовскую моя мама всегда говорила: родственница Крутовских, зная, что это замечательная подсказка в поисках материалов, связанных с матерью единственного сына Михаила Афанасьевича.

Фамилия Крутовских в Красноярске – одна из самых известных. Братья Владимир (1856–1938) и Всеволод (1864–1945) Михайловичи – одно из веских свидетельств того, какую Россию мы потеряли, это представители настоящей интеллигенции. Слепой и беспомощный, бывший врач и видный общественный и политический деятель Владимир Михайлович скончался в тюрьме, в которой находился как агент пяти разведок, от сердечной недостаточности на 83-м году жизни. Хотя у него и была особая охранная грамота за содействие Ленину. Имя Крутовского В.М. «до перестройки» постоянно присутствовало в ленинской теме. Когда-то Крутовский оказался попутчиком Ленина в поезде, следовавшем в административную ссылку в Красноярск. Этот врач провел медицинское освидетельствование будущего вождя революции и только по этой причине он оказался в южной ссылке – селе Шушенском. Затем Крутовский был редактором нескольких газет, журнала «Сибирские записки». Вместе с братом, профессиональным садоводом, Всеволодом Крутовским, безвозмездно передали свой наследный дом под музейные коллекции и были его первыми научными сотрудниками. В 1889 году с их помощью открыта городская библиотека в 1900 году на речушке Лалетино возле устья заложен яблоневый сад. «Бациллой» садоводства и виноградарства Крутовского заразил Смирненко. Нелли Ефимовна в своей книге пишет: «С легкой руки В.М. Крутовского садоводство стало массовым явлением, а садовод – центральной фигурой нашей современной действительности». Всеволод Михайлович Крутовский был арестован через полтора месяца после ареста брата 22 августа 1938 года. Фамилия Крутовских встречалась в деле ученого профессора Косованова В.П., расстрелянного в 1927 году. От деда моего (Лисавенко М.А.) сохранилась 4-томная «Советская сибирская энциклопедия», которую Косованов с другими составил в 20-х годах. Тогда была уничтожена вся эта редакция и запрещено краеведение как наука. Всеволода Михайловича судили как агента трех иностранных разведок (ему было 74 года), но за недостаточностью улик в 1940 освободили. Он почти безвыездно жил в своем саду на Лалетино все последние годы. Ученый садовод похоронен на территории Лалетинского фруктового сада, а саду присвоено имя «Сад имени Всеволода Михайловича Крутовского».

Я очень рада, что хотя и с опозданием – мы наконец-то отдаем долг памяти первым садоводам Сибири, работавшим и с виноградом. В те страшные 20–30-е годы интеллигенция уходила от зла политической и общественной жизни в садоводство и украшала посильным трудом свою землю. Точно так же поступил и Михаил Афанасьевич Лисавенко, он отошел от юриспруденции, с которой связан был

профессионально, и занялся садоводством. Так он сохранил себя и свое духовное и нравственное самосознание.